

НЕ ОТСТУПАТЬ В ПОИСКЕ

ВОЛГОГРАДСКИЙ театр музыкальной комедии завершил свой тридцатый пятый сезон.

Позади еще один год работы. Были у театра и радости, и огорчения. Давайте поразмыслим над этим со своей, зрительской, точки зрения. Поразмыслим добродушно, но и взыскательно.

Любите ли вы оперетту? На этот традиционный вопрос большинства должно как будто ответить утвердительно. Как-никак жанр этот издавна считается популярным и доходчивым, самым веселым и синтетичным. Но из многих разговоров с заводской, студенческой молодежью вытекает, что оперетта нынче не в чести у нее.

«Это же архаика», — категорически заявляют одни. «Зрелище на любителя», — уклончиво объясняют другие. А посещаемость? Она резко упала. Бывает, Волгоградскому театру музыкальной комедии остается с грустноватой улыбкой вспоминать доброе старое время, когда над окошечком кассы висела заветная табличка «аншлаг».

Неужели оперетта отжила свой век? Неужели сегодня она отвечает отсталым вкусам?

Стать вровень с веком музыкальному театру всегда нелегко. Причина? Одна из них — груз дурных традиций.

И — увя! — эти традиции по душе многим в зале нашего волгоградского театра. Если вы бывали на «Великолепной тройке» или «Черном драконе», вспомните. Хотят всякий раз, когда со сцены летят в зрительный зал довольно сомнительного качества «хохмы». Ну, а режиссерские «находки», вроде свечи чуть пониже спины «покойника» бандита, вообще вызывают шквал аплодисментов.

Актерам бывает стыдно (они сами признаются в этом). Но

что делать, если «так принято в оперетте»...

Да, мнение об оперетте как удавленном, низком жанре еще бытует. Оперетте отказывают в уме и сердце. Все сводится к бездумному стремлению развлечь, вырвать лишней зрительский смехок.

Но виноват в жизненности такой ситуации прежде всего сам театр. Верно было замечено в разгоревшейся, но тут же потухшей дискуссии вокруг жанра: «Оперетта и ее публика — они друг у друга в плену».

И досадно, что театр не торопится встать здесь выше, заостряя в первую очередь такое важное оружие, как идейность репертуара.

Идейность в широком смысле слова — она ведь во всем. И в репертуаре, и в подходе к нему, современном осмыслении как новых, так и временам проверенных вещей.

Рядом — в кино, драме — думают о современных принципах режиссуры, актерской игры. Рядом судят о произведении искусства по высшим эстетическим эталонам. Только на опереточной сцене все остается почти без изменений. Маски-амплуа вместо живых разноликих характеров. Типичный опереточный тон диалога (с завыванием или выкрикиванием). Обязательный «хэппи энд»...

Скажем, на классику в серьезном драматическом театре стараются сегодня глядеть «свежими, нынешними очами». А в нашем театре музыкальной комедии «взор режиссера, ставящего корифея старой оперетты, всегда полнится восторженной умильностью. Тут бы как нельзя кстати прозрачная ирония — такой назойливый комментарий со стороны. Тут бы как нельзя кстати шаржированный режиссерский абрис спектакля. Надо лишь объяснить зрительному залу условия игры, втянуть

в нее. Помните брахтовское: «Развлекать поучая»? Иронический прищур — как это крайне важно для опереточного спектакля.

А главный режиссер Волгоградского театра музыкальной комедии Юрий Генин категорически против молчаливого стовора участников спектакля и зрителей не принимать происходящее на сцене всерьез. Эх, сколько огорчений и театру, и зрителям принесло такое настойчивое стремление к «бсерьезиванию» жанра.

Многих покорила в свое время стилизованная под прошлый век телевизионная «Штраусиана». Здорово придумали австрийцы! Сквозь дымку времени они показали опереточный мир прошлого. Добрая насмешливость над человеческой наивностью, над склонностью к милым воспоминаниям присутствовала на голубом экране. Пожалуй, и этот опыт мог бы заинтересовать наш театр музыкальной комедии, охотно ставивший несколько сезонов подряд корифея старой оперетты Штрауса. Но...

С «ВЕНЩИНОЙ» нам на повезло. Быть может, выручил мюзикл? (Это модное жанровое обозначение расшифровывается довольно легко — музыкальный спектакль).

Знакомство волгоградцев с новым жанром состоялось четыре года назад (так считают, по крайней мере, в театре). Премьера «Моей прекрасной леди» прошла удачно, хотя, правда, это был только первый шаг — какого-то особого различия между мюзиклом и традиционной ванской опереткой еще не всегда можно было заметить. Сказалась привычка к копированию всамде-

лишной жизни, к выверенным решениям.

Потом наступило «Воскресенье в Риме». За постановку этого мюзикла энергично взялся молодой режиссер, выпускник ГИТИСа Эдуард Шестаков.

Но зритель проголосовал «против». Зритель, привыкший к стандарту, не понял эксперимента. Да, воевать за новое так просто.

Как бывало раньше в оперетте? Джазовые интонации характеризовали только незадачливых отрицательных персонажей. Эта наивность разоблачения поначалу смешила, потом стала раздражать. Вокруг — в эфире, во дворцах культуры, на эстраде — безраздельно властвовал ритм. Он проникал в музыку кино. Почему же оперетте — с ее предполагаемой сиюминутностью — было не увлечься им?

Здесь, правда, опасна другая крайность. Чересчур восторженные поклонники моды, кричащие о веке джиза, додекафонии и прочей чепухе, провозгласили мюзикл самым перспективным жанром. За бортом все остальное! Курс на Запад!

Но ясно, что фетиш «американщины» чужд нам. Мы возьмем у мюзикла лучшее, но слепо следовать за ним никогда не будем.

Театр же оставил мюзикл в покое, отказавшись от новых поисков. Он даже смирился с тем, что «Вестсайдскую историю», ставшую популярной прежде всего благодаря таланту композитора Л. Бернстайна и хореографа Д. Роббинса, неосознанно облюбовал соперник — драматический театр.

А зря! Именно такие остро-социальные сюжеты дозрели необходимы жанру. Очень современна, очень актуальна «Вестсайдская история» — эта гневная отповедь американскому расизму.

Театр же предпочел обратиться к «Роз-Мария» Г. Стотгардта и Р. Фримля. Честно говоря, трудно представить, как настроит театр эту историю белокурого ковбоя-супермена и красавицы-индианки на современный лад, как уйдет от подспудно звучащей здесь мысли о второсортности индейцев.

Видно, все-таки не обойдется без вульгарного переосмысления ковбойского сюжета. Но довольно сомнительна ценность такого осовременивания.

А БЕДЬ тема современности — тема номер один. Ясно каждому, что без актуальных современных сюжетов музыкальному театру не прожить.

Конечно, говоря честно, наши драматурги не балуют опереточный жанр. И все-таки дефицит современности и на совести театра. Он должен искать авторов, работать с ними. А, как ни странно, уже второй год нет в театре заплата. По штату предусмотрено, но администрация, видимо, считает эту должность лишней.

Особенно тревожит, что театр перестал активно воевать за сегодняшнюю, советскую проблематику. И голубоглазая девушка из оперетты В. Мурадели, и писемносец Стрелка из «Волги-Волги» И. Дунаевского как-то затерялись среди заграничных опереточных асов.

На разных боевых курсах искал когда-то цель наш театр, то исчезая в буре мелодраматизированных страстей («Сердце балтийца»), то возникая на рейде экзотичного портового города («Мой безумный брат»).

Современность давалась нелегко. Стоило, например, героям заговорить на капитанском мостике о пережитом в войну, как слышались возмущенные голоса. Оперетте-да

противопоказано трагическое! Стоило выйти на сцену бойцам революции, как начинали возражать противники героического в оперетте...

В этой разведке боем театру сопутствовала удача. Смело нарушая жанровые границы, режиссура доказывала многообразие собственных творческих возможностей, широту и серьезность намерений. Даже постановки классического репертуара впечатляли любопытными, жизненными открытиями. Очень жаль, что сегодняшние волгоградские постановки быстро забываются и зрителями, и критиками. Они делаются профессионально грамотно, но на среднем уровне.

Счастливым оказалось содружество театра с молодым волгоградским композитором Виталием Беранковым — автором недавно поставленной и у нас, и в Ленинграде оперетты «Дон Сезар де Базан».

Наверное, где-то завидуют волгоградцам: местный композитор, местная оперетта. Это — хорошо!

Но ведь были на счету театра и другие примеры удачного содружества с местными авторами. И разве не стоило поработать театру серьезнее, настойчивее, например, с композитором В. Семеновым? Ведь он предложил недавно театру работу, посвященную нашей истории, нашей государственности. «Ревела буря» — назвал ее композитор, но к 50-летию Советской власти этот спектакль, обещанный, разрекламированный, не появился на сцене. Почему?

К лицу ли нашему Волгоградскому театру музыкальной комедии, имеющему заветное прошлое, отступать в

поисках, отказываться от ранее найденного?

Режиссура, репертуар требуют изменений. Не менее остро стоит проблема омоложения труппы. Где новые имена? Где смелые интересные вводы? Раньше мы часто бывали свидетелями любопытных дебютов талантливых питомцев училища искусства. (Очень порадовал, например, приятный голос, непосредственность сценического поведения совсем юной Валентины Воробьевой в роли Мэри Ив. А в прошлом сезоне?)

Помните замечательную строчку Винокурова: «Ичитель, воспитай ученика!» Хорошо было бы, если бы каждый из опытных заслуженных мастеров нашего театра музыкальной комедии сделал ее эпиграфом своей жизни в искусстве. И в училище, искусстве, и в самодеятельных коллективах старшее актерское поколение могло бы родить достойную смену себе. Ведь был же у театра «спутник» — музыкальный народный театр Еланского Дома культуры, поставивший «Свадьбу в Малиновке». Наша газета писала об этом добром начинании. Над авансами шефствовали ветераны театра. Как дорогих желанных гостей встречали их самодеятельные актеры.

С УДЬБА оперетты, судьба нашего театра музыкальной комедии волнует и тех, кто творит, и тех, кто смотрит. Мы хотим верить: творческий подъем наступит скоро. Появятся в репертуаре добротные советские спектакли, получит в них интересные роли молодая театральная поросль.

В идейной борьбе, в сложных поисках нового оперетта должна стать полноправным жанром. И в этом долг театра.

Е. СЕРГЕЕВ.

2-1 МАЯ 1969